

ПЕРВЫЕ ЛИЦА

Скромная доля оптимизма

В конце октября Москву впервые с начала украинского кризиса посетил президент Германии. В таком статусе в Россию приехал хорошо знакомый политик — бывший глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер. «Д» с помощью Галины Дудиной и Александра Гмырина разобрался, как за один день рабочего визита главе государства удалось реанимировать надежду на потепление в российско-германских отношениях.

«Знать прошлое и не превращать его в оружие»

В отличие от безликого майского визита в Сочи канцлера Ангелы Меркель, плотная программа поездки в Москву Франк-Вальтера Штайнмайера могла бы заставить учащегося заглянуть в сердце любого иностранца, интересующегося Россией. Утром — в центр Москвы, на возложение венков к Могиле Неизвестного солдата. Затем долгая беседа с первым президентом СССР Михаилом Горбачевым, экскурсия в офис «Международного мемориала», посещение евангелическо-лютеранского кафедрального собора святых Петра и Павла в Старосадском переулке (заложеного еще в 1818 году в присутствии короля Пруссии Фридриха Вильгельма III), ужин в Кремле и, наконец, балет Джона Ноймайера «Страсти по Матфею» на музыку Иоганна Себастьяна Баха с участием Гамбургского балета.

Лейтмотивом этой культурно-исторической программы могли бы служить слова благодарности, оставленные президентом

«Иногда мы и сами не знали, что в большей степени определяло наши отношения — близость или отдаленность»

В кабинете президентского дворца Франк-Вальтер Штайнмайер дает интервью автору «Д» Галине Дудиной

день, была благодарность «за решение ситуации вокруг Немецко-русского дома в Калининграде». Напомним, четверть века калининградский Немецко-русский дом (НРД) был значимым культурным ядром в российском Калининграде, бывшем немецком Кенигсберге. На многочисленных мероприятиях бывали губернаторы, послы, министры — в городе нет, пожалуй, ни одного журналиста или общественника, который бы хоть разок не посетил НРД. Однако на волне борьбы местных активистов с «германизацией» в области учредителя — общества немецкой культуры и российских немцев «Айнтрахт Согласие», несмотря на протесты в России и Германии, признали иностранным агентом. После этого его общественную организацию и ее руководителя Виктора Гофмана обязали выплатить немалые штрафы за нарушение правил для иностранных агентов. В результате господин Гофман даже попал в больницу, а дом закрыли.

Возможно, президент Штайнмайер получил информацию о том, что 4 октября Немецко-русский дом в Калининграде открыли заново — в новом формате и при поддержке Федерального агентства по делам национальностей и общественного объединения «Федеральная национально-культурная автономия российских немцев». Однако о деятельности обновленного НРД пока ничего не слышно. Многочисленные кружки и объединения, в том числе по изучению немецкого языка, не работают. На официальном сайте Немецко-русского дома заставка: «Уважаемые друзья! Мы находимся в стадии реорганизации. Как только она закончится, мы сообщим об этом всем заинтересованным лицам».

Впрочем, говоря об отсутствии конструктивной повестки визита и каких-либо договоренностей, следует учитывать представительские функции президента ФРГ, который формально является главой государства, однако реально располагает меньшей властью, чем канцлер Германии. В посольстве РФ в Берлине «Д» также призвали рассматривать визит «в общем контексте текущего состояния российско-германских отношений».

«С одной стороны, это важный шаг в направлении восстановления полноформатного политического диалога, многие сферы которого были фактически заморожены Берлином в одностороннем порядке с началом украинского конфликта. Франк-Вальтер Штайнмайер еще в бытность министром иностранных дел последовательно выступал за альтернативность поддержания оперативных каналов коммуникации», — напоминает российский дипломат, называя сохранившийся между главами МИДов беспрепятственный контакт «во многом его личной заслугой». При этом собеседник «Д» заявил, что и после визита российская сторона рассчитывает на «серьезную и кропотливую работу по выходу из затянувшейся стагнации» и «готова и настроена на позитивный результат».

ФРГ в книге для гостей правозащитной организации «Международный „Мемориал“». «Знать прошлое и не превращать его в оружие, а принимать его вместе со всеми светлыми и темными сторонами — вот основа для мирного будущего», — размышлял записал Франк-Вальтер Штайнмайер.

«Мы даже несколько удивились, насколько хорошо он был подготовлен, как доброжелательно держался», — рассказал «Д» один из участников встречи, директор по развитию «Международного „Мемориала“» Дмитрий Кокорин. По его словам, президент, осмотрев выставки и коллекции, представленные в офисе организации, год назад внесенной в реестр иностранных агентов, затем долго беседовал с правозащитниками — о ситуации с правами человека в России, впросах исторической памяти, работе религиозных общин по ее сохранению. «Президент проявлял обеспокоенность положением НКО, тем, в каких условиях приходится сегодня работать в России правозащитным организациям», — говорит Дмитрий Кокорин. — Мы рассказали, что продолжаем работу, говорили о том, как важно сохранять диалог и не впадать в полную изоляцию, которая могла бы быть продиктована международной обстановкой».

«Мы не можем позволить себе не разговаривать друг с другом. Наш долг перед нашими народами заключается в том, чтобы воспрепятствовать дальнейшему отчуждению между немцами и русскими», — заявил накануне поездки и Франк-Вальтер Штайнмайер в интервью „Д“ — первой за долгие годы устной беседе с российским журналистом.

Но самой пронзительной была речь, произнесенная им на церемонии передачи Петропавловского собора Евангелическо-Лютеранской церкви России (в год празднования 500-летия Реформации это событие и стало главным поводом для визита). Слова, которые звучали в тот день с пасторской кафедры, были не о сложной международной обстановке. Франк-Вальтер Штайнмайер цитировал Райнера Марию Рильке и Федора Тютчева, говорил о различиях и общности, об обретении достоинства индивидуума перед лицом Бога, о тысячелетней истории, связывающей русских и немцев. «Иногда мы и сами даже не знали, что в большей степени определяло наши отношения — близость или отдаленность», — напомнил он.

«Не думаю, что одна единственная встреча может помочь»

Если перевести слова немецкого президента в настоящее время, то очевидно, что сегодня отношения России и Германии диктует отдаленность. Об этом можно судить и по тому, что сам визит, несмотря на теплую атмосферу каждой встречи, был всего лишь односторонним и рабочим — это куда ниже по дипломатическому протоколу, чем государственный визит, с которым приехал в Россию в 2010 году президент ФРГ Кристиан Вульф (различия очевидны: господин Вульф тогда задержался в России на пять дней, посетив с супругой Москву, Петербург, Тверь и Ульяновск). Впрочем, предшественник госпо-

дина Штайнмайера Йоахим Гаук, бывший пастор и известный правозащитник, занимавший пост президента в 2012–2017 годах и критически относившийся к политике Кремля, так и вовсе не приехал в РФ.

На «отдаленность» намекало и то, насколько диссонировали заявления двух президентов, российского и немецкого, после переговоров в Кремле. Владимир Путин был настроен показательно дружелюбно. На немецкий он публично перешел лишь единожды, приветствуя своего коллегу словами «Herzlich Willkommen» («Добро пожаловать»). Но и в остальном президент демонстрировал конструктивный настрой: говорил о готовности работать над развитием отношений, росте товарооборота, позитивном настрое немецких бизнесменов в РФ, развитии промышленного, научного и международного сотрудничества.

«Не думаю, что одна единственная встреча, одна единственная беседа может помочь преодолеть ситуацию, которая сложилась за прошедшие несколько лет», — отрезал в ответ Франк-Вальтер Штайнмайер. Он горячо поблагодарил Владимира Путина за передачу собора, но ситуацию в отношениях характеризовал куда более критически, упомянув и «негативную спираль», и «аннексию Крыма», и «отчуждение». «Думаю, мы едины во мнении, что настоящее положение дел не может удовлетворять нас и не должно удовлетворять нас. От нормальных отношений мы еще далеки, и еще есть открытые раны», — заявил президент Германии.

Одним из немногих конструктивных моментов, публично упомянутых им в тот

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Франк Шауфф, генеральный директор Ассоциации европейского бизнеса в России:

— Я виделся с Франком-Вальтером Штайнмайером еще за неделю до его визита в Москву, и он говорил, что направляется в Россию, чтобы обсудить разные вопросы, в том числе Украину. Радует, что в Москву приехал именно господин Штайнмайер: во-первых, он отлично владеет и российско-германской, и украинской проблематикой, во-вторых, в России его хорошо знают — еще со времен, когда он был главой Ведомства федерального канцлера и министром иностранных дел. При этом в личном общении он приятный и обходительный человек.

Этот визит — конструктивный политический сигнал. Конечно, никаких прямых последствий или дополнительных решений об инвестициях он за собой не повлек. Но приезд президента свидетельствует о том, что времена, когда диалог был полностью заморожен, остались позади. И чем менее напряженной будет атмосфера, тем лучше инвестиционный климат и тем выше шанс на то, что однажды будет найдено решение и для отмены санкций.

ОТКЛИК

Бедный, бедный Берлин

В сентябрьском выпуске Леонид Млечин описал, как после окончания Второй мировой войны СССР проводил демонтаж производств на востоке Германии. Но и западные союзники тоже не скромничали. В результате фирмы в Западном Берлине вывели производство в ФРГ, банки перенесли свои штаб-квартиры, новый бизнес обходил город стороной. О последствиях раздела Берлина для «Д» рассказывает Петер Кёпф.

Французский военный комендант Берлина Жан Ганеваль был человеком последнего бедствия. Нацистские оружейные кузницы подлежали полному уничтожению — об этом государства-союзники договорились еще на Ялтинской конференции. И потому он распорядился «включить в список на ликвидацию» заводы Борзига. В письме, полном отчаяния, председатель производственного совета Любке и директор завода Фрелих 1 марта 1947 года взывали к бывшему участнику французского Сопротивления и узнику Бухенвальда Ганевалю: один раз, в мае — июне 1945 года, завод уже подвергся «полному демонтажу», пишут они, 2 тыс. станков общей массой 11 тыс. тонн и остаточной стоимостью около 25 млн рейхсмарок были разобраны и вывезены в Советский Союз. Теперешний завод состоял из восстановленных, спасенных из-под обломков станков и прочего оборудования, которое удалось кое-как починить благодаря немцам, в том числе общественным средствам. После колоссальных усилий по восстановлению мощностей заводы Борзига производили исключительно мирную продукцию, отмечали они: паровые машины, компрессоры, насосы, холодильные установки, химическое оборудование, паровые котлы и турбины. Однако их просьбы и мольбы услышаны не были. Заводы Борзига, благодаря которым не-

когда жил целый район на западе Берлина (Тегель), остановились и стояли вплоть до 1950 года.

Довоенный Берлин был крупнейшим индустриальным городом страны с самой современной на тот момент технологической базой. Перед Второй мировой войной на промышленные предприятия Берлина трудилось почти столько же людей, сколько в Баварии или Саксонии. И, разумеется, сфера услуг в столице приносила больше доходов, чем в других регионах. Берлин был транспортным и торговым центром, а также крупнейшей банковской и биржевой площадкой страны.

Доля экономически активного населения составляла 54,3%, что тоже

Ни один немецкий город не опустился после Второй мировой войны так низко, и ни одному не было так тяжело, как Берлину, встать на ноги

было выше показателей в среднем по Рейху (51,3%); производительность труда опережала среднюю по стране на добрую треть. Франк Шалер, сегодня профессор экономической и социальной истории в баварском Айхштедте, в 1995 году в одной публикации Исторической комиссии по Берлину показал, что Берлин делился своим благосостоянием: лишь 20% налоговых поступлений расходовалась столичной, основная их часть передавалась финансовому управлению Рейха для финансирования государственных расходов и межбюджетных трансфертов.

После войны Берлин предстал самым большой на планете грудой развалин. В 1947 году город потерял три четверти промышленного потенциала 1936 года. Причем причиной тому явились даже не бомбежки: ослабление было вызвано демонтажем заводов державами-победительницами.

Армия Сталина дошла до Берлина первой. <...> Когда после 4 июля 1945 года западные союзники взяли под свой контроль западную часть города, они ужаснулись размаху работ по демонтажу: Эдвин В. Поли, представитель США в союзнической комиссии по репарациям, предупредил об угрозе «полного уничтожения рабочих мест». Увиденное он назвал «организованным вандализмом», направленным не только против Германии, «но и против американских оккупационных властей».

Сенатор Бремена по экономическим вопросам Густав Вильгельм Гармсен, до 1942 года бывший членом правления компании Atlas Elektrizität, в 1951 году писал: в Берлине демонтажу подверглись в общей сложности (всеми государствами-победителями) 460 заводов и фабрик, причем в подавляющем большинстве они вывозились «до последнего рублика», вместе со складскими запасами комплектующих, материалов и готовой продукции. Машиностроение лишилось 80% мощностей, из них 20% были потеряны в результате военных действий, 70% — вследствие демонтажа. На 12 ведущих предприятиях берлинской станкостроительной отрасли (включая советский сектор) из 25 тыс. единиц оборудования осталось всего 8. В электротехнической отрасли потери были настолько существенны, что Гармсен писал о «полном демонтаже».

Блокада, продолжавшаяся с июня 1948 года по май 1949 года... обернулась для города далеко на востоке Германии еще одним конкурентным недостатком. За считанные годы не менее 900 производств было выведено в западные оккупационные зоны, сотни предприятий переместились в западногерманские подразделения, западногерманские фирмы закрыли свои берлинские филиалы. Компании из электротехнической и машиностроительной отраслей облюбовали преимуществен-

но юг Германии, отмечает Бэр. Такое «движение на Запад» надолго ослабило потенциал берлинской экономики и сократило налоговую базу. «Это невосполнимо», — вздыхает Бэр сегодня. — Siemens навсегда останет-

От потери Берлином первенства всего южане в Вюртемберге

ся в Мюнхене, а Deutsche Bank — во Франкфурте-на-Майне. <...> Но главным, чего лишился Берлин, был человеческий капитал».

Ни один другой немецкий город не опустился после Второй мировой войны так низко, и ни одному другому городу не было так тяжело снова встать на ноги. Если в экономике Западной Германии после валютной реформы 1948 года началось развитие, то в Берлине... ситуация продолжала усугубляться. Если принять за сотню объем промышленной продукции в 1936 году, то Западная Германия уже в 1950 году превзошла тогдашние показатели (109) — Берлин, напротив, дошел до отметки в 32 пункта. В так называемой Бизонии предприя-

тия электротехнической отрасли уже в августе 1948 года выпускали больше продукции, чем в 1936 году, объем производства в 1948 году вырос на 64%, в 1949 году — еще на 48%.

«От потери Берлином первенства выиграли прежде всего южане в Вюртемберге», — подытоживает Бэр. Какой тезис он подтверждает цифрами, которые говорит сам за себя: если в 1939 году доля занятых в Южной Германии составляла 16,4%, то в 1955 году — уже 42,3%. «Исход» берлинских фирм пошел на пользу прежде всего таким регионам, как Мюнхен (Siemens и Halske), Нюрнберг/Эрланген (Siemens-Schuckert), Штутгарт (SEG/Lorenz) и Франкфурт (AEG и банки). Кроме того, многие крупные компании основывали филиалы в экономически слабых регионах ФРГ, особенно в Баварии.

С падением стены в 1989–1990 годах казалось, что историческая ситуация, которой была обусловлена потребность Берлина в субсидиях, успешно преодолена, и федеральное правительство прекратило финансирование. Спешка оказалась фатальной: последовала вторая волна вывода производств, какие-то заводы просто закрылись. Компании на востоке страны прибирали к рукам рынки сбыта. Вывод: Берлин — и Западный, и Восточный — пострадал от последствий раздела Германии, как ни один другой немецкий город. И это бремя он несет по сей день.